

УДК 82.0 - 054.72

Корчевская О.В.

ОБРАЗ РОССИИ - СССР В ПУБЛИЦИСТИКЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ («MA RUSSIE HABILLÉE EN URSS» ЗИНАИДЫ ШАХОВСКОЙ)

Корчевская О. В. Образ России - СССР в публицистике русских эмигрантов («Ma Russie Habillée en URSS» Зинаиды Шаховской)

В статье дается общая характеристика эмигрантской путевой литературы, выявляются типичные тенденции восприятия СССР эмигрантами. С этой точки зрения рассматриваются очерки З. Шаховской «Ma Russie Habillée en URSS» (1958).

Ключевые слова: путевая литература, диалог

Корчевська О. В. Образ Росії – СРСР у публіцистиці російських емігрантів («Ma Russie Habillée en URSS» Зінаїди Шаховської)

У статті дається загальна характеристика емігрантської дорожньої літератури, виявляються типові тенденції сприйняття СРСР емігрантами. З цієї точки зору розглядаються нариси З. Шаховської «Ma Russie Habillée URSS» (1958).

Ключові слова: дорожня література, діалог

Korchevskaya O. V. The Image of Russia-USSR in the Publicism of Russian Emigrants («Ma Russie Habillée en URSS» by Zinaïda Schakovskoy)

The article gives general characteristic to the émigre travelogues, reveals typical tendencies of the USSR perception by emigrants. The work of Z. Schakovskoy «Ma Russie Habillée en URSS» (1958) is studied from this point of view.

Key words: travel writing, dialogue

Эмигранты первой волны жили надеждой вернуться в Россию, несмотря на то, что «одна мысль об этом возвращении» была «сопряжена для русских изгнанников с ощущением страха, памятью о бегстве» [1, с.59]. Тем не менее, они не оставляли мечты хотя бы съездить туда, пусть даже нелегально, как герои Набокова. И некоторым это удалось.

Критик и беллетрист, З.А. Шаховская - яркая фигура в литературе русской эмиграции. Франкоязычные работы этой писательницы у нас практически не известны, так как они не переведены на русский язык.

Актуальность работы обусловлена тем фактом, что национальное самосознание формируется, когда нация узнает о том, как ее воспринимают другие.

Цель статьи - на примере путевых очерков З. Шаховской рассмотреть особенности русской национальной специфики в восприятии представителей русского зарубежья.

Постановка проблемы. Судя по аннотированному указателю книг и публикаций о России, изданных за рубежом на русском языке [2, с.616-621], среди эмигрантов, побывавших в СССР и написавших об этом, было мало таких крупных фигур русской эмиграции, как В. Шульгин, не было и их числе и известных писателей. Чаще всего это были рядовые эмигранты, посещавшие СССР в середине 1920-х, конце 1950-х-1960-х, в 1970-х-1980-х годах, что и понятно: были времена либеральных «дуновений» - НЭПа и «оттепели». В период «оттепели» популярными стали поездки в СССР иностранных туристов. Эмигранты нередко приезжали в составе этих групп. Нередкими были визиты западных деятелей культуры, симпатизирующих социализму.

Зинаида Шаховская (1906-2001), представительница младшего поколения первой волны русской эмиграции, приехала в Москву в сентябре 1956 года как жена первого секретаря бельгийского посольства в Москве. В то время З. Шаховская была известной французской писательницей, автором четырех романов, написанных на французском языке. В Москве она пробыла около полутора лет. В 1958 году в Париже вышла ее книга «Ma Russie Habillée en URSS: Retour au pays natal» («Моя Россия, переодетая в СССР» или «Моя Россия, одетая в СССР»)¹.

Кинга состоит из 31 главы, посвященных как личным и частным воспоминаниям и впечатлениям, так и проблемам общей значимости (литература, театр, кино, церковь в СССР). Не претендуя ни на полноту картины, ни на научную объективность в характеристике России - СССР, З. Шаховская руководствуется, по словам А. Плаке, «импрессионистическим подходом» [3, с.125]. В отличие от обычных очерков повествование в ней сильно беллетризовано (обилие диалогов; не просто описание людей, а создание образов персонажей; мотив слезки, придающий повествованию

¹ Вскоре книга была переведена на английский и немецкий языки. Интересно, что в переводе название было изменено: английская книга называется «Привилегия была моей: Русская княжна возвращается в Советский Союз», немецкая - «Такой я увидела Россию».

напряжение). Наконец, писательница стремится передать дух времени и включает в книгу повествование о вторжении советских войск в Венгрию, о Московском международном фестивале и выставке Пикассо, о концерте Бостонского филармонического оркестра и собрании Союза писателей, посвященном 100-летию Бернарда Шоу, уделяет внимание откликам на книги В. Дудинцева «Не хлебом единым» и Л. Кабо «В трудном походе».

Для восприятия Советской России эмигрантами было характерно, в первую очередь, желание увидеть бедственное положение народа. В. Шульгин говорит, что, как всякий «правоверный эмигрант», в России он «искал печать страданий». Въезжая в Россию в 1925 году, он как бы входил в комнату тяжелобольной со словами: «Что? Умерла? Жива? Потихе говорите...» [4, с. 167].

Не менее сильно эмигранты желали увидеть недовольство населения большевистским режимом. В предисловии к книге Н. Громова, например, было сказано, что из нее «мы узнаем, что подлинная Россия жива и широкие народные массы, горьким опытом исцелившиеся от дурмана социалистических и коммунистических лозунгов, всем своим дружным бытовым напором выталкивают из себя коммунизм» [5, с. VII].

Другой особенностью эмигрантских очерков о родине было сравнение дореволюционной и советской России и идеализация первой. Социализм, коммунизм воспринимались ими как абсолютное зло. Нередко эта оценка проводилась и на эстетическом уровне. В советских гражданах, в советском быту, в советской жизни они не находили красоты, гармонии, культуры.

В СССР путешественники-эмигранты искали «свою», настоящую, живую, прежнюю Россию. Об этом можно судить даже по названиям их книг - «Русь», «За живыми душами», «Моя Россия, переодетая в СССР».

Все эти особенности восприятия характерны и для З. Шаховской, хотя ее книга создавалась в значительной мере как ответ на мнение об СССР иностранных путешественников. Шаховская считала, что иностранец не может составить верное представление о России, особенно если не знает языка и зависит от лиц, отобранных для сопровождения иностранцев советскими спецслужбами. Сама Шаховская имела уникальную возможность общаться с представителями всех классов - от обитателей кремлевского Олимпа до простых колхозников, предпочитая элите простых людей. Обладая большим журналистским опытом, Шаховская умела организовать общение так, чтобы заставить человека, служащего режиму, произвольно высказаться об истинном положении вещей. Ради этого она нередко шла на маленькие провокации.

Своей прислуге Тане, например, в задачу которой входило пропагандировать режим и наблюдать за хозяйкой, Шаховская сказала, что хочет прийти к ней в гости на чай. Танин испуг и мольба не делать этого были лучшим разоблачением обмана о том, как хороша советская жизнь.

Не принимая советского режима, З. Шаховская в то же время хорошо понимала сложность положения, в котором пребывал русский народ. По ее словам, «проблема, которую представляют собой русские люди», «удваивает»¹ коммунистическую проблему в России [6, с.48]. СССР для нее - страна со сложной структурой. Об этом, считает З. Шаховская, должны помнить все, кто хочет что-либо сказать о ней.

Развенчивая восторженное отношение некоторых лиц и социально-политических кругов на Западе к СССР, З. Шаховская при этом пытается защитить страну от несправедливых обвинений со стороны иностранцев. Распространенному на Западе мнению, что Россия - страна рабов, она противопоставляет многочисленные факты борьбы за свободу, имевшие место в русской истории (Жакерия Болотникова, сочинения боярина Ртищева и боярина Радищева, события 1825 года).

Кроме того, общаясь с людьми, Шаховская находила много примеров того, что, «несмотря на неистовую пропаганду, в течение почти полувека, русские люди сохранили, как никто из других народов, подвергшихся подобной диктатуре, независимость суждения и интеллектуальное любопытство» [6, с.49].

Это Шаховская показывает с помощью диалогов. О духовном богатстве встреченных ею людей часто свидетельствует их образная, яркая речь. Но нередко диалоги и речи персонажей книги свидетельствуют и об обратном: выдают косность мышления, несамостоятельность суждения. Обилие диалогов - это то, что выделяет произведение З. Шаховской из ряда других эмигрантских путевых очерков.

З. Шаховская включает в свою книгу не только диалоги, в которых участвовала сама, но и те, которым она была свидетельницей.

В главе о современной советской литературе З. Шаховская приводит длинный диалог из повести Любви Кабо «В трудном походе» (1956), который служит еще одним доказательством того, что рост сознательности и бунт советских граждан против лжи - нормальное и не столь уж редкое явление в жизни советских граждан.

¹ Здесь и далее цитаты из книги Шаховской приводятся в переводе автора статьи.

Но самое ценное для З. Шаховской - увидеть доказательства того, что режим - это нечто отдельное от народа, найти подтверждение своим надеждам о том, что они могут преодолеть страх и говорить правду о советской жизни. В 1968 году, когда Шаховская станет редактором газеты «Русская мысль», она будет поддерживать русских диссидентов.

Важным ориентиром, по которому эмигранты опознавали «своих» в СССР, была вера в Бога. «...Мы увидели, что, несмотря на отпадение многих, Русь остается такой же, какой была тысячелетие, - крещеной, к Богу стремящейся, веру в сердце носящей...» [7] - эти слова Архиепископа Иоанна Сан-Францисского, брата З.А. Шаховской, можно отнести ко всем эмигрантам, побывавшим в Советской России.

О вере в Бога Шаховская разговаривала с той же Таней и увидела, что ее мысль, «освобожденная» материализмом от всех предрассудков, не помогала ей избавиться от страха смерти, от ночных видений и кошмаров, поэтому она стала верить в суеверия. Но однажды и Таня тайком пошла в церковь поставить там свечку [6, с.37].

Для З. Шаховской характеристика человека - его отношение к закрытым и разрушенным храмам. И она встречает в Москве немало тех, кем не забыта церковная история: случайная прохожая обращает ее внимание на храм, в котором венчался Пушкин, незнакомый мужчина на Красной площади показывает своему сыну Собор Василия Блаженного, а шофер такси рассказывает пассажирке-Шаховской о разрушении Храма Христа Спасителя.

Один из самых интересных и близких автору персонажей в «Моей России, переодетой в СССР» - некто Алексей Михайлович, или «А.М.», советский верующий интеллигент из «бывших» - человек «лет шестидесяти, очень худой, с бородкой интеллигента, седой». «Казалось, что во всем его облике разливалась необыкновенная мягкость»¹ [6, с. 100].

«Этот скромный человек, говоривший на русском языке прежнего времени, искренностью взгляда и голоса напоминавший князя Мышкина, жил с добротой в жестоком мире» [6, с. 105]. А.М. - единственный встреченный Шаховской гражданин СССР, который, не являясь частью этого режима, не испытывал по отношению к нему сильного недовольства. Он не жаловался. В нем не было «ни горечи, ни злопамятства, ни притязаний на что-либо». И это несмотря на то, что ему пришлось пройти через лагерное заключение, что он пострадал из-за доноса на него знакомых. Человек с университетским образованием, он получал такую же зарплату, как прислуга Шаховской; был вынужден скрывать свои иконы и молитвенные принадлежности за занавеской на верхней полке буфета; а принимая гостей, вынужден был принимать множество предосторожностей.

Вопреки всему, он не только не испытывал недовольства жизнью, но даже считал, что у советского режима есть свои достоинства - например, бесплатное образование. А.М. - единственный, кто утверждал «веру в русский народ и его судьбу». Когда же З. Шаховская призналась ему, что испытывает к советским людям что-то вроде неприязни, он посоветовал ей почаще вспоминать слова, сказанные о русском народе митрополитом Филаретом: «В нем мало света, но много страсти».

Провоцируемый собеседницей к выражению недовольства режимом, А.М. по-своему объяснил ей и то, почему люди становятся доносчиками («Разве он (этот государственный аппарат) не играет только на слабости людей? Есть те, кто не позволяет себя вовлекать») и извинил их («Можно ли требовать, чтобы большинство граждан согласилось быть мучениками?» [6, с. 106]).

«Вера, говорил А.М., - единственная вещь, которая может дать здесь душевный покой». От него З. Шаховская услышала о христианах в СССР, которые «не ожидают ничего от этого мира и находят духовные радости в испытаниях, которым они подвергаются» [6, с. 112]. Писательница принимает это объяснение.

Христиане для нее — бесспорно, те немногие из советских граждан, «кто принимает наилучшим образом, с трогательным спокойствием, строгости режима». Православная церковь не требует от человека мученичества. З. Шаховская приводит слова своего брата, архиепископа Иоанна Сан-Францисского (в 1956 году - епископа), о положении Православной церкви в СССР: «Отношение христиан к советской власти можно охарактеризовать как отказ от мер, могущих вызвать преследование Церкви» [6, с.212].

Для западного сознания, воспитанного в убеждении, что нет ничего ценней свобод и прав человека, такая позиция не просто неприемлема, но непонятна. Главный критерий, по которому оценивается любая страна западным человеком, - возможность реализации своей личности в условиях тамошней жизни, что выражается в правах и свободах человека.

¹ Интересно, что Д.А. Шаховской в своих воспоминаниях похожим образом характеризует своего двоюродного брата Костю Родионова, с которым, по его словам, Зинаида Алексеевна встречалась во время пребывания в Москве в 1956-57 годах. «Милый, кроткий, живой» Костя был «с небольшой бородкой и мягкими чертами лица» [1, с. 60-61]. (В 1918 году ему было 23 года, значит, в 1956-57 - как раз 60-61 год, вполне возможно, что именно этот Костя Родионов стал прототипом образа интеллигента Алексея Михайловича.

Именно такую внешнюю свободу подразумевает З. Шаховская, говоря о «свободе ссылки», свободе изгнанничества. Описание своих встреч и разговоров с А.М. она заканчивает разрешением волнующего ее вопроса: «Что им дала эмиграция, несмотря на все ее трудности?». И приходит к выводу: «Русские, называемые «белыми», разделили с теми, кто остался в России, ту же нищету и даже неуверенность (в завтрашнем дне), но они выжили, их дети выросли свободными отстраха. Они научились говорить громко, они не должны были выбирать между безопасностью и изменой» [6, с.113].

Таким образом, настоящего диалога с русскими в СССР, такого диалога, который разрывает пределы понимания обоих участников, у З. Шаховской не получилось. Однако в эссе 1970-х годов писательница уже иначе понимает свободу и, характеризуя проблемы России и Запада, пишет: «Во всех свободах, о которых кричат масс-медии, мы не отыщем и признака подлинной, той, которая не зависит от тиранов - Хроноса и Власти, - внутренней свободы человека. Свобода - это прежде всего духовная способность отдельной личности противостоять злу. Кто свободнее, Солженицын или Брежнев? Но не об этой свободе говорят и не за нее борются, не ей учат» [8, с.94].

Выводы: восприятие эмигрантами СССР было во многом запрограммировано, тенденциозно. Однако, несмотря на это, их взгляд на нас вновь интересен и полезен.

Источники и литература

1. Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. - М.: Книга. 1991. -319с.
2. СССР. Местности, общественная и культурная жизнь, быт // Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917-1991 гг. В 4 т. Т.2. /Гос. публ. ист. б-ка России, Стэнфорд. ун-т; Научн. ред. Л.Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О.В. Будницкий. - М.: Рос. политич. энциклопедия, 2003. - С. 616-621.
3. Плаке А. Рецензия // Вестник института по изучению СССР. – Мюнхен, 1959. - № 3 (31) - С. 125-129.
4. Шульгин В.В. Три столицы. Путешествие в Красную Россию // Литература русского зарубежья. Т. 2. 1926- 1930. – М.: Книга, 1991. - С. 161-238.
5. Кречетов С.А. Предисловие// Громов Н. Перед рассветом. Путевые очерки современной советской России - Берлин: Медный всадник, 1927. - 172 с.
6. Schakovskoy Z. Ma Russie habillée en URSS: Retour au pays natal / Zinaïda Schukovskoy.- Paris: Grasset, 1958.-267 p.
7. Цит. по предисловию М.Г. Жуковой: Архиепископ Иоанн (Шаховской). Установление единства/Сост. М.Г. Жуковой. - М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. - 256 с. - (Духовное наследие Русского зарубежья)
8. Шаховская З. Общность надежды и опасности // Шаховская З. Рассказы, статьи, стихи. - Париж. 1978. - С. 92-96.

Поступила в редакцию 2.07.2007 г.